

Я театр и пришла к шалочному разбору. В прямом, а не идиоматическом значении слова. Подбери новые костюмы к старому спектаклю, Светлана Врагова потихоньку саморазоблачалась — раздевалась, покачиваясь кустом, какого типа танец? Небось. И шутки: «Представляю себе Киплер-Чехову, демонстрирующую свой бюстгальтер, дабы объяснить, какие кружева нарядные!»

Да, мир изменился. И в спектаклях Враговой он — иной. Я могу судить по двум постановкам — «Расплюскавшие все салы дню» и «Бокс, видео, пуля». Спек-

голосов, составленных из предпочтительных выражений и положенных на мелодию молитвы.

— Мы без клавира пропали «Гулю», Приехал борец Петров, вот мы сидели вместе и пали «Заходи, заходи, Грин... Вот Коляка пришел...», как «Господи, помилуй». Люди так не говорят, это души разговаривают. Потом — дисгармония, и снова в хорал синеватый. Человеческие голоса существуют по законам написанной партитуры. Все же Стендальский — сверхчеловек, потому что из каждой его фразы можно создать миллионы театров.

Имя Всевышнего поминать сам Варравин, возмездие глаза к небу. И что же — не под небом, под угрожающе низким

глаза Бога. А самое страшное — врач. Поцупил пульс и говорит: «Делайте еще». Пока существует эта цепь зла, пока никто ее не разорвал, какой там «возвышающийся обман». Я нарочно провозжу через это молодых актеров. Работая с А. Суховым-Кобылиным, с Мариной Неволиной — не стала бы использовать такие методы. Но та, что помолоде, иногда кажется мне эмоционально глухой. Главное — добиться от актера сострадания.

Действительно, жалю ополуночного мужа, пригласившего расплесть пулю приятеля, которые и объединенными усилиями не могут удовлетворить сексуальных притязаний женщины-пациент, пожирающей сэкса партнеров. Половой акт на металлической решетке похож на

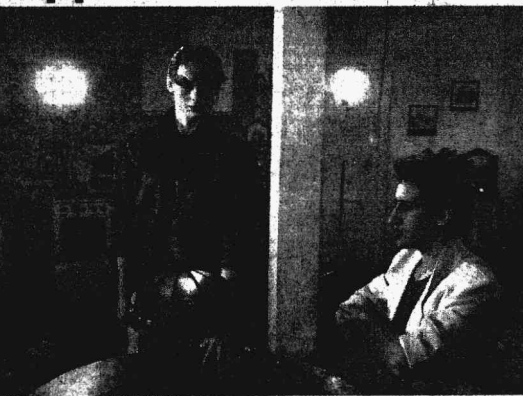
самому себе. Это чудовищно трудный процесс. Мы приходим домой нервные, отравленные, взвинченные. Все мидлы люди, но вместе они составляют больного, израненное духовное поле. И все это мы выбрасываем в космос. А ведь энергия осканда (просто так мы в театре привыкли называть это термин). Можно быть, сейчас нужны спектакли для эмоциональной стабилизации. Пока я только показала, как дьявол вошел в нас. А он вошел в нас генетически. В Америке тоже вошел, но через другие двери. Театр жестокости может рождать доб-

НАДО МОЛИТЬСЯ ЗА ЛЮДЕЙ, КОТОРЫХ ИГРАЕШЬ

В марте этого года театру на Спартаковской исполнилось 5 лет. В основном из старых симпатичных театралов здание города (правда, уже пять лет нуждающееся в ремонте) идет «Дорогая Елена Сергеевна» Л. Рязановской, «Расплюскавшие все салы дню» (по «Смерти Тарелкина» А. Сухово-Кобылина), «Ниже встречи» и «Бокс, видео, пуля» (В. Колосовского). Что же такое театр на Спартаковской и что думает о жизни его лидер — Светлана Врагова?

● О. Мыслина в спектакле «Бокс, видео, пуля».

● О. Харитонов и В. Мосинко в спектакле «Дорогая Елена Сергеевна».

такими в жанре триллера о мире ужаса. В «Боксе» — пространство российской жизни, спрессовано до размеров небольшой комнаты-палаты. Черного кабинета для Сухово-Кобылина: прозекторской, операционной из белого кафеля с выщербленными кое-где черными пятнами ламината, торжественных глазок для «Бокса, видео, пуля».

В театре Тате Свильонски задан нам вопрос о том, что такое пророк? Вызвал меня их доске, ну и самого главного я, конечно, не сказала — об операционном столе, на который должен лечь человек для того, чтобы поведать истину. «Вырвал грейнджеру» — это ведь хирургия. Не продать ли духовную операцию, невозможно выполнить задание своего краткого правления на земле. Если конец света действительно близок, согласно предсказаниям Нострадамуса, то к нему надо готовиться. Мы же просто все заснуем, чтобы не думать об этом. И не можем не ладить гармонично даже внутри себя. Я стараюсь добиться этого через спектакли — только так.

В мире «Веселых дней» и «Бокса, видео, пуля» нет живых людей. Он населен упырями, оборотнями, ведьмами, ведьмаками, вспучившимися до основания наш новый мир. В «Расплюскавшие все салы дню» — стая волков, змей и зайцев, оборнувшихся генералами, политиками, меценатами. В «Боксе» — актриса-алкоголичка, пациентка друдома: несовершеннолетняя уголовница — жертва и стучившая односторонне, предвечная во убийца-смертница, тройка безумных префексов и женщина-паук. Все палачи, все жертвы.

Происходит с человеком страшные идиотизмы, у него отнимают душу, разрушают его. Все мои спектакли — сражение с черными дырами, с силами, уничтожающими человеческую душу. Сегодня человек беспомощней, чем со смирением лицом, много говорящий о Боге, оказывается дьяволом. Все поменялось.

На самом деле уже на балу у Варравина Бога не было, хотя беспрестанно звучит в обиход спектаклей «Господи, помилуй нас». Если в первом церковная молитва исполнялась хором и звучит постоянным фоном, то во втором, самиз этих слов нет — есть песня для четырех

потолком — не Бог или его изобращение, но парик и зубы смеющегося шулера Тарелкина. «Бог — сама любовь» произнесет за две минуты до предательства девочка из «Видео», «Бокс видео, пуля» (примечательное название только маскирует неприглядную реальность) продолжает и развивает ее темы «Расплюскавшие все салы дню». Так, немученный до полусмерти киша, гадина Тарелкин вдруг начинает походить на человека, которому невозможно не сострадать. То же происходит с персонажами «Бокса, видео, пуля» и зрелищных спектаклях. Актриса на первой минуте думает, что ее пригласили на кинопробы — наблюдение лица, яркая красная губы. Песца! Да, может быть, в завыражении с невидимым режиссером, он в ролях — живой человек, для которого мир есть театр, а Бог есть искусство. Она (Оксана Мыслина) говорит, говорит, говорит — истому показывая нули ролей, исповедуясь, боясь пустой комнаты, эксцесс видеокамеры, одиночества. Ее снимают или только подглядывают за ней? Мы вынуждены по политическим причинам таяноту: слыть зрелищ, напоминающие медицинские ампулы. Ее обманули, заманили в капкан. И вот уже работы-бейеры врач, адосталь налюбавшихся ключами изворонной души, уводит ее на катиле в твиноту — ту самую, которой она с детства боялась.

— Оксана, все нужно давать на сумасшедшей радости. Отдай все силы. Играй край, человеческую пропасть, надо играть духовный экстаз — экстаз веры. И то будет борьба с дьяволом через дьявола. Так же надо играть Брандхагелстоу.

Бесконечно сочувствуешь смертнику в «Боксе» — задушено, затравлено, мерзкому шагу по периметру клетки, надолго заставляющему период камерой — так, что мы видим только его глаза.

— Мы смотрели фильм на видео — исследование жестокости, цериния на видео, в том числе американского. Человек входит в газовую камеру и не чувствует озярства, как зверь, ищет — откуда пойдет газ. Или казнь на электрическом стуле. К этому приговорили какой-то убожественный убийцу, но в видеона не думала, что человек может быть так красив в смерти. Его долго приваливали — так, как завырают шушеры — очень быстро, закрывали глаза и показывали из крупным планом — это были

пытки, тот самый эстетический ступ, не выдерживающий, мертвые убивают палача. Злододу реализована картинное правило: «Яна — злобный враг предпочтительнее». И дьяволом мечтает о зоне: там баб не будет, горячим кормить станут. Вообще в спектаклях Враговой нет чужих. В них — катастрофа жизни, которую отверженных, напавших на самими.

— Я ставлю спектакли ради трех минут фильма. В «Елене Сергеевне» идет размышление Лигурия. И пять минут зал не аплодирует. Мы этого добились, а что может быть прекрасней Агамемнона, племянник Н. И. Саи, услышав музыку к «Боксу, видео, пуля», сказал: А как вы догадались, что музыка «Синей птицы» — это фашистский марш? Три такта похода за синей птицей — три пьесы, общий поход за счастьем под фашистский марш. И все так люди движутся.

В спектаклях театра на Спартаковской есть — одна озадачивающая подробность — я назвала бы ее эстетической дьявола, зла, черных дыр. Нет ли здесь опасности перемены знака, восприятия порока?

— Ну да, конечно, можно сказать: все хорошо, я развиваюсь гармонично, но у меня так не получается. Меня тает в красноту, в забытие (одна сцена в «Елене Сергеевне» — чистый праздник, пока все не понимаем, куда все движется), но сейчас что-то происходит — какая-то вбрасыва, и на меня выпаливают другие. Правды несутся, и никто не удерживает. Битва с дьяволом должна выглядеть красиво. Мои спектакли — это экзерсис, изгнание дьявола. Сатана правит миром, Христос умер, но одна заповедь не работает. А я могу это отравить. Я — бабочка-однодневка, сегодня жива, завтра умреть, и никто не удержит. Каждый мой спектакль. Только отравить то, что вижу, и поговорить с людьми! Ну что — так, что ли, мы живем? Шокировать зрителя, на дуть ему об этом разговоре забыты. Это же гонимый — потравоса, другие — это же платоник. Платонизм — когда человек спит ночью брызжет. До этого мы никогда не доходили. Если получается эстетизация дьявола, значит, мы ошибочно работаем: надо переосмыслить все снова. Но мне кажется — все люди втиснуты в это чертовое кольцо и не знают, как вырваться. Усталость вымывает постоянно себя? Чем-то допниговать. Божья тишина. А нас интересует человек, пытающийся в тишину ворваться, вырваться к

ро. Я поставлю еще «Сцену из семейной жизни» по сценарию Барнума (фильм-то у нас не шел) и «Бесов» Достоевского. Вообще мне кажется, «Бесов» должен поставить каждый театр. Если существует покаяние, то надо его на этом материале осуществить. Это как пройти и еще раз положить цветы на могилу Достоевского. Это данности России — родить бесов. А дальше хочется поставить Чехова — ведь никто не может. Все ставит букаю его или материализм, и получается расказ о том, что все мы — выродки. Я хочу поговорить о даре, гармонии, эмоциональной стабильности.

Как вы слышите, Врагова говорит о материальном тонике и достаточно сложно. Но артисты в ее спектаклях работают замечательно — Оксана Мыслина, Олег Харитонов, Сергей Пинегин... Что же, всем актерам понатан такой эзис, или приходится прибегать к нормальной постановке задач? И режиссер театра на Спартаковской на демократ не слишком похожа. Значит, диктатура?

— Не может быть в театре демократии в советском значении слова, диктатура — слово очень мощных порядков, которые связаны в незыблемую диктатуру закона. Не человека, но закона. В России — диктатура человека, потому что нет закона. Куда же ты денешься от порядка. Он даже в космосе есть. А с актерами работаю как актриса. Режиссер — это хорозодар, иррационный тренер. Об этом всегда говорил Заведский, а я его ученица, верная ученица. Ефремов, Любимов — они же сами актеры. Эфрос роскошно показывал. Конечно, для тупых актеров я использую нормальный язык: продажные обстоятельства, событийный ряд. Но я об этом говорю, только забвешисши, что мне — человеческую судьбу рассказывать «космическим действием»? Это все сказки. У нас не было великого эконоимста, но были великие художники. И мы никогда не потыбим с такими учителями. Только все время надо просить: «Господи, поощди нас, потому что мы — Россия». Надо молиться за людей, которых ты играешь, не надо думать о том, как ты сыграл, просто молиться, чтоб им стало легче хотя бы на секунду.

Марина ТИМАШЕВА.